

Сергодеева Елена Александровна**Sergodeeva Elena Aleksandrovna**

доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Северо-Кавказского федерального университета

D.Phil. in Philosophy,
Professor, Philosophy Department,
North Caucasus Federal University

Хутуев Рамазан Григорьевич**Khutuev Ramazan Grigorievich**

аспирант кафедры философии
Северо-Кавказского федерального университета

PhD student, Philosophy Department,
North Caucasus Federal University

ФЕНОМЕНЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ МАССОВИЗАЦИИ

EXTREMENESS PHENOMENA IN THE CONTEXT OF SOCIAL MASSIFICATION

Аннотация:

В статье анализируются проявления экстремальности в ситуации социальной массовизации. Охарактеризованы амбивалентные проявления массовизации в современном обществе. Обоснован тезис, что в массовом социуме экстремальность выполняет как реактивные, так и проективные функции, формируя адекватные ответы на вызовы общества риска.

Ключевые слова:

экстремальность, массовизация, массовое общество, современность, массмедиа, информационно-коммуникативные технологии, социальная безопасность, риск.

Summary:

The article analyses manifestations of extremeness in the context of social massification. The authors describe the ambivalent manifestations of massification in the modern society. It is proved that in the mass society the extremeness performs both responsive and projective functions, forming appropriate responses to the challenges of the risk society.

Keywords:

extremeness, massification, mass society, modernity, media, information and communication technologies, social security, risk.

Понятие социальной массовизации начинает активно фигурировать в философском дискурсе начиная с середины прошлого столетия, что связано с необходимостью фиксации и изучения модернизационных изменений в политической и социокультурной сферах современного общества. Однако традиция научного рассмотрения феноменов массовизации берет свое начало еще в XIX в. в русле критики модернового общества и его противопоставления прежним историческим этапам. В рамках этих теорий отмечается, что массовизация современного общества детерминирована самыми разными общественными процессами, однако в наибольшей степени на повсеместное распространение масс влияет развитие инфокоммуникативных технологий. Именно прогрессивно нарастающее использование этих технологий способствует радикальному изменению социокультурной жизни современного общества и перестраивает деятельность средств массовой коммуникации, предоставляющих большому числу людей унифицированную информацию. Современные средства массовой коммуникации, получая глобальное распространение, вносят изменения в характер человека, ведут к изменению самой социальной реальности, которая «начинает достаточно быстро (в сравнении с прежними типами общества) меняться, впитывая в себя новейшие информационные технологии» [1, с. 311].

Помимо совершенствования инфокоммуникативных технологий и экспоненциального роста их применения, на массовизацию социальной жизни оказывают влияние такие факторы, как урбанизация, демократизация политической жизни, изменения конфигураций социальных субъектов. По свидетельству Х. Ортега-и-Гассета, XX столетие характеризуется выдвиганием на «авансцену, к самой рампе, на места главных действующих лиц массовидных объединений». Важно подчеркнуть при этом, что массовость является не количественной, а именно качественной характеристикой этих феноменов, детерминируя однотипность сознания и поведения социальных индивидов. Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что массовый человек лишен «инициативы в сфере духа», поскольку ориентируется на стандарты «вещного» мира, поэтому его естественной жизненной средой является несвобода. Свобода же в ситуации «восстания масс» может существовать лишь в превращенной форме – либо как произвол и вседозволенность, либо как бунт. В силу этого Х. Ортега-и-Гассет сравнивает «массового человека» с «избалованным ребенком» или «взбесившимся дикарем» [2, с. 120].

Разнообразие форм проявления массовизации достаточно широко: от спонтанно возникающей толпы и социального движения до телезрителей и болельщиков. Как социальная общность масса парадоксальна, поскольку способна объединить людей, принадлежащих к различным общественным слоям. Говорить об общепринятой характеристике массы очень сложно. Это связано, во-первых, с многообразием эмпирических проявлений массовых общностей, а во-вторых, с тем, что сам термин «массовый» является ценностно нагруженным и дискуссионным.

Именно эти характеристики социальных масс послужили основанием того, что одной из значимых теоретических оппозиций, характеризующих современность, стала оппозиция «индивидуализм – деперсонализация», отражающая амбивалентные тенденции социокультурного развития. С одной стороны, некоторые социальные теоретики обозначают индивидуализацию как тренд современного социального развития, связывая с ней атомизацию и автономизацию личности. С другой стороны, очевидны тенденции разрушения социальной субъектности и деперсонализации, что позволяет философам-постмодернистам констатировать конец прежней гуманистической традиции и говорить о «смерти субъекта».

Амбивалентность возможностей, создаваемых в массовом обществе, состоит в том, что параллельно с расширением горизонта восприятия человека, увеличением форм его социального участия нарушаются границы его частной индивидуальной жизни. Мир, по выражению Ж. Бодрийера, становится «бесстыдно порнографичным», это подрывает его партикулярность и способствует массовизации. Медиа делают взаимоотношения «симуляционными», исключают полноту коммуникации, проявляющуюся во взаимодействии собеседников в двусторонних отношениях [3]. Сводя отношения индивидов к электронной связи, современные средства массовой коммуникации не просто трансформируют человеческие отношения, но уничтожают их, заменяя телекоммуникацией. Вследствие этого под вопросом оказывается сама личностная идентичность и механизмы ее формирования.

Отмечая дилеммы индивидуализации, свойственные современному обществу, З. Бауман подчеркивает, что «мы являемся индивидами *de jure*, независимо от того, являемся ли мы ими *de facto*: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становится нашей обязанностью, и все это требует от нас самодостаточности, независимо от того, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой обязанности. Многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации» [4, с. 133].

Получается, что реализация индивидуальности и социальной субъектности в данном обществе затруднена благодаря особенностям самого этого общества. Несмотря на предсказания о грядущих, благодаря социальной модернизации, проявлениях креативного потенциала и возможности социальной активности личности, реалии современного общества оказались сложнее. Индивидуализм модернизационных проектов, реализующийся в рамках экономической платформы капиталистического общества, привел к появлению стандартизированного потребительского общества. Это вызвало всплеск антимодернизационных настроений, породило очевидные тенденции архаизации в социально-политической и культурной сферах общественной жизни, вызвало попытки создания идеологий контрмодерна [5].

Массовизация, таким образом, отражает полифонию парадоксальных тенденций развития современности, которые можно обрисовать в терминах экстремальности. Концептуализация социальной экстремальности, в общем виде понимаемой как отклонение от социальной нормы жизнедеятельности общества, имеет богатую историко-философскую традицию. Так, еще в древности Платон и Аристотель понимали экстремумы как границы существования вещей, после выхода за которые вещи теряют прежнюю качественную определенность. Значительный вклад в понимание экстремальности внесли диалектика и учение о мере Г.В.Ф. Гегеля, согласно которым «все вещи имеют свою меру, то есть количественную определенность, и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но вместе с тем это безразличие также имеет свой предел, при нарушении которого (при дальнейшем увеличении или уменьшении) вещи перестают быть тем, чем они были» [6, с. 314]. Основополагающее значение в этой теории для понимания сущности экстремальных процессов имеет философская категория «скачок», которая, согласно Г.В.Ф. Гегелю, отражает противоречивый характер перехода явлений за границы меры.

В современной философской традиции понятие экстремальности все чаще используется для отражения опасных и трагичных ситуаций в жизни человека и общества. Такие теоретики общества риска, как У. Бек и Э. Гидденс, отмечают, что в современном обществе люди буквально «окружены» различными социальными и технологическими рисками и опасностями, выходящими из-под их контроля. У. Бек подчеркивает: «Наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста

опасностей» [7, с. 165]. Э. Гидденс отмечает: «В условиях современности как для обывателей, так и для экспертов-специалистов в какой-либо области мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным» [8, с. 119]. Поэтому экстремальные ситуации в современном социуме появляются как один из естественных способов взаимодействия субъекта с неустойчивой неопределенной внешней средой, характерной для интенсивных и радикальных общественных трансформаций.

Таким образом, «экстремальность» – это понятие для обозначения самостоятельного явления, зачастую носящего стихийный характер, которое проявляется не только в активности человека, но и в природной среде. В качестве видов экстремальности, учитывая абстрактность и схематичность такой классификации, можно выделить природную, техногенную, социальную, культурную. В любом случае экстремальные феномены характеризуются максимально крайними значениями, т. е. выходом за пределы системы. Подобные явления не всегда порождают конфликт или кризисную ситуацию, однако они могут либо заострять проблему, либо акцентировать внимание на чем-то новом» [9, с. 388–389]. Проявления экстремальности имеют ряд общих существенных характеристик: внезапность наступления; выход за пределы нормы, экстраординарность; переход ситуации в фазу нестабильности; неопределенность и стохастичность изменений; распространение опасностей и страхов; нарастание напряженности.

Появление эффектов экстремальности в ситуации массовизации обусловлено тем, что масса представляет собой неустойчивую нестабильную социальную общность, подверженную эффектам социально-психологического «заражения» и «подражания». Она стимулирует возникновение совершенно нового типа социальных отношений, заменяя устойчивые формы социального взаимодействия, подчиненные общепринятым нормам, случайными и непостоянными отношениями. В этих отношениях активность социальных акторов не представляет собой действия, подчиненные определенным правилам и связанные с целедостижением, а скорее является спонтанной инициативностью, результатом более или менее некритичного, стереотипного «выбора». Члены массовых общностей, вследствие присущего им конформизма, ориентированы не на индивидуальность, а на обезличенность, не на творчество, а на соответствие «большинству» и поэтому склонны к неорганизованной активности.

Здесь очевидны пересечения характеристик массового поведения с чертами архаизации в модернизирующихся социумах. Архаичные культурные формы, как правило, не столько фиксируются на явно вербализуемом нормативном уровне, сколько «оседают» на психологическом, формируя архетипы поведения и сознания. Поэтому с наибольшей вероятностью они проявляются в так называемых пограничных ситуациях, которые, вследствие превалирования иррациональной мотивации, стимулируют манифестацию спонтанных, возможно, внекультурных, но в то же время стереотипных поведенческих реакций. Подобные реакции возникают в ситуациях социальной нестабильности и нарушения культурной традиции с целью компенсировать недостаточность существующих форм общественной жизни.

Поэтому, говоря о массовом обществе, стоит подчеркнуть, что дезинтеграция традиционных социальных связей, свойственная ему, зачастую ведет к анархии и кризису систем ценностей, что чревато вспышками насилия, распространением проявлений экстремизма, рождает страх и неуверенность, способствует нагнетанию социальной напряженности. Это служит своеобразной «питательной почвой» для распространения эффектов экстремальности, т. е. выходов за пределы нормального функционирования социальной системы. Подобные явления, как правило, свидетельствуют о наличии конфликтной или кризисной ситуации.

Однако не стоит приписывать массовизации, как и экстремальности, исключительно негативные коннотации. Массовизация, в частности, значительно повышает степень участия населения в общественной жизни, способствует становлению новых форм совместной деятельности, расширяет традиционные формы общественного сознания. Поэтому можно сказать, что ситуация социальной массовизации, не принося разрешения прежних социальных и экзистенциальных проблем, а временами даже заостряя их, предоставляет тем не менее определенные исторические возможности.

Что же касается экстремальных эффектов массовизации, то их также можно рассмотреть в конструктивном ключе. Это связано с тем, что экстремальность прежде всего инициирует появление новых форм социальной активности, иногда контрастных по отношению к традиционно признанным моделям. В данном случае она воспринимается как носитель нового культурно-ценностного содержания и социокультурной практики. Здесь новые культурно-ценностные смыслы выступают как отличительные девизы альтернативной реальности. Можно сказать, что экстремальность, наполняясь новым культурно-ценностным содержанием, кардинально меняет свой общественный статус и культурно-ценностный смысл. В ситуации массовизации экстремаль-

ность приобретает особое значение, во-первых, в виде диагностики рисков и пограничных ситуаций, а во-вторых, в качестве потенциала новых форм социальной практики, способных приспособить жизнедеятельность человека к этим ситуациям рискам.

Ссылки:

1. Лежебоков А.А. Игровые коммуникации в социальных медиа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 311–314.
2. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. 704 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.
5. Сергодеева Е.А., Маслаков С.В. Контрмодерн как проектное воплощение архаизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-4 (62). С. 163–166.
6. Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1. М., 1974. 454 с.
7. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 162–168.
8. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Там же. С. 107–134.
9. Хутуев Р.Г. Эволюция концепта экстремальности в философских теориях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 387–389.

References:

- Baudrillard, J 2006, *The consumer society. The myths and structures*, Moscow, 269 p., (in Russian).
- Bauman, Z 2005, *Individualized society*, Moscow, 390 p., (in Russian).
- Beck, U 1994, 'From industrial society to society of risk', *THESIS*, no. 5, pp. 162-168, (in Russian).
- Giddens, E 1994, 'Destiny, risk and security', *THESIS*, pp. 107-134, (in Russian).
- Hegel, G 1974, *The Encyclopedia of the Philosophical Sciences: in 3 vols., Vol. 1*. Moscow, 454 p., (in Russian).
- Khutuev, RG 2015, 'The evolution of the extremeness concept in the philosophical theories', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12, pp. 387-389, (in Russian).
- Lezhebokov, A 2014, 'Game communications in social media', *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, no. 6 (45), pp. 311-314, (in Russian).
- Ortega y Gasset, J 1997, *Selected works*, Moscow, 704 p., (in Russian).
- Sergodeeva, EA & Maslakov, SV 2015, 'Countermodern as a project implementation of archaization', *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12-4 (62), pp. 163-166, (in Russian).